

УДК 800/801

ЯЗЫКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Л.М. Салмина

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению одной из центральных проблем когнитивной семантики как раздела когнитивистики – функции языкового значения в процессе познавательной деятельности. Феномен значения заключается в том, что оно является базовым элементом сознания человека, поскольку именно знаки естественного языка представляют понимание действительности в своих лексических и грамматических значениях. Признание языковой семантики основной концептуальной структурой может открыть новые возможности для интерпретации механизма моделирования знаний.

В самом общем виде когнитивистику можно определить как междисциплинарную научную область, изучающую ментальные способности человека, которые составляют основу его рационального поведения. На этом фоне когнитивная психология ставит задачу объяснения и системного описания обработки и переработки сигналов информации – сенсорных данных – в ментальные репрезентации, что позволяет определить основной предмет исследования как *процессы и структуры*, релевантные для познавательной деятельности индивида (М. Минский, П.Н. Джонсон-Лэйрд, Э. Рош и др.).

Что касается когнитивной лингвистики, в ее сохраняющемся статусе «филиала когнитивной психологии» [1, с. 22], то, помимо категориальной организации познавательной деятельности (А. Вежбицкая, Д. Герартс), в сфере ее интересов оказываются и вполне традиционные для генеративистики проблемы участия языкового знания и языковой способности в переработке и передаче информации (Т. Виноград, Д. Вундерлих, Ч. Филлмор).

Приоритет семантических изысканий в русле когнитивной лингвистики столь очевиден, что в настоящее время можно с полным на то основанием говорить о вполне сложившемся направлении, именуемом *когнитивной семантикой*.

По утверждению А. Ченки, когнитивно ориентированные теории семантики возникли в знак протеста против методологии «ортодоксальной генеративной грамматики» [2, с. 69]. При этом, как можно заметить, исследовательские цели не претерпели сколько-нибудь существенных изменений: разработка модели функционирования языка как единого целого, моделирование процессов, лежащих в основе владения и овладения языком, включая процессы порождения и понимания высказываний и текстов, объяснение механизмов когнитив-

ных операций над знаниями для их представления посредством языкового кода (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Джакендофф, Ч. Филлмор и др.).

Следует, однако, признать, что представить общую картину исследований семантики в когнитивном аспекте достаточно сложно, поскольку «когнитивная семантика» является в настоящее время термином, лишенным содержания, которое можно было бы признать в качестве единого для всех. Она понимается и как общая теория категоризации, вступающая в соприкосновение с эпистемологическими концепциями (Д. Герартс), и как эмпирически заземленная концептуалистская теория значения, важной составляющей которой является понимание мотивов выбора языковых форм для описания ситуаций (Р. Лангакер), и как истолкование семантической структуры в синтаксическом контексте (Р. Джакендофф), и как изучение процессов по выработке семантического представления высказывания в результате специфического взаимодействия семантических единиц (М. Дени) и т. д.

Существенно различаются и представления о семантических (концептуальных) категориях и структурах. Наряду с широкоупотребительными *прототипом*, *концептом*, *фреймом*, *скриптом/сценарием*, можно отметить и более специфичные: *образ-схема* как повторяющийся динамический образец процессов восприятия и моторных программ, обеспечивающий связность и структурированность опыта и лежащий в основе семантической структуры (Дж. Лакофф), *фигуры* и *фон* как результат восприятия человеком объектов действительности (Л. Талми), *профиль*, *база* как элементы семантической структуры и *активная зона* как контекст ее актуализации (Р. Лангакер) и др.

Попытки «наведения мостов», предпринимаемые отечественными (прежде всего) лингвистами (Е.В. Рахилина, З.А. Харитончик, В.А. Пищальникова и др.), вряд ли могут считаться перспективными. Трудно не согласиться с П.Б. Паршиным в том, что на данном этапе с наибольшим основанием можно говорить о совокупности «индивидуальных исследовательских программ менее чем десятка широко известных авторов» [3, с. 30], представляющих ту или иную версию когнитивной семантики: *прототипическая* (А. Вежбицкая, Д. Герартс), *фреймовая* (Ч. Филлмор), *топологическая* (Л. Талми), *пропозициональная* (В. Кинч), *конструкционная* (А. Голдберг).

И при этом, как отмечают В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич, поиск новых решений «уводит все дальше от самого значения» [1, с. 11]. В самом деле, теория концептуальных структур, стоящих за значением, т. е. структур *знания* и *оценок* (Е.С. Кубрякова), с одной стороны, не содержит ничего принципиально нового по сравнению, например, с теорией семантической структуры лексического значения, предполагающей существование в нем самом двух макрокомпонентов: денотативного, несущего в себе *знания* об обозначенном объекте, и коннотативного – как отношения (а следовательно, и *оценки*) говорящего (И.В. Арнольд, Р.С. Гинзбург и др.), а с другой стороны – действительно «уводит от значения», т. е. от лингвистики в психологию.

Примечательно, что языковая категория «значение» и на сегодняшний день не имеет общепризнанной дефиниции, а вопрос о роли и месте языка в процессе познания продолжает оставаться открытым.

По общему мнению специалистов в области когнитологии, всеобщий аспект познавательного процесса выражает понятие моделирования объектов, что позволяет рассматривать приобретение, хранение и воспроизведение когнитивного опыта сквозь призму *ментальных моделей* (П.Н. Джонсон-Лэйрд). При этом соотношение когнитивных структур с языковыми видится исследователями по-разному. Так, например, в рамках так называемого модульного подхода (М. Бирвиш, Е. Ланг) семантическая и концептуальная сферы рассматриваются как автономные подсистемы – модули – когниции, что имеет своим закономерным следствием дифференциацию языковых и неязыковых когнитивных структур (Ю. Чарняк, С. Сомс, М. Шварц).

Разграничение *ментального* и *лингвистического* в сознании человека имеет давнюю философски обоснованную традицию и проявляет себя как устойчивая тенденция и в отечественном языкознании. Ср., например: «...когда мы говорим о понятиях самих по себе, мы интересуемся прежде всего отношением мыслительных единиц к действительности и человеческой деятельности. Когда же речь идет о значениях, то предмет интереса сдвигается к знаковому выражению мыслительных единиц» [4, с. 46]; или: «когнитивные структуры, стоящие за языковыми структурами, принципиально нелинейны и при их языковом воплощении требуют специальной «упаковки» [5, с. 14–17]; «даже вся совокупность признаков, полученная из семантического анализа многих языковых знаков, объективирующих концепт, не представит нам содержания концепта полностью, потому что мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе» [6, с. 58].

Сторонники модульного подхода исходят из предпосылки о том, что объекты познания моделируются мышлением, в то время как язык *объективирует* (Е.С.Кубрякова), *репрезентирует* (В.З.Демьянков) результаты мыслительной деятельности, имеет прямое отношение к *построению, организации и усовершенствованию информации и способов ее представления* (Р.И. Павиленис), служит для *приобретения, хранения и развития знаний о мире* (Г.В. Колшанский). Другими словами, язык, выступая в своей коммуникативной функции, одновременно осуществляет и функцию когнитивную, обрабатывая полученные от мышления данные и обеспечивая их «упаковку», передачу и хранение, являясь, таким образом, инструментом *вторичного* познания. Такое понимание обуславливает вывод о том, что когниция неразрывно связана с языком не потому, что она обязательно протекает в языковой форме, но потому, что мы можем рассуждать о ней только с помощью языка (Е.С. Кубрякова).

Холистический подход (Р. Лангакер, Дж. Лакофф, Р. Джакендофф) предполагает поиск универсальных принципов ментальных способностей и описание релевантных репрезентативных сфер познания, в которых концептуальные и семантические структуры идентичны. Языку при этом отводится роль *важного источника эмпирических данных* для теории познания (Р. Джакендофф). Такая трактовка восходит к представлению о языке как о *промежуточном мире идей* В. фон Гумбольдта. В соответствии с ним человек *впервые осознает свою мысль в слове* (А.А. Потебня), *мысль в слове не выражается, но совершается* (Л.С. Выготский), язык отражает действительность *смысловым образом* (А.Ф. Лосев), а значение, следовательно, является *единицей сознания* (А.А. Ле-

онтъев), *когнитивной структурой*, поскольку «собственно человеческое познание – это *оязыковленное* познание» (выделено авторами. – Л.С.) [1, с. 26]. В русле данного подхода язык рассматривается не только как инструмент, но как источник познания.

Признание за языковым значением статуса «когнитивной/концептуальной структуры» является, по мнению А. Ченки, шагом вперед по отношению к «традиционной объективистской семантике», которая исходит из тезиса о том, что «значение существует вне нас в мире» [2, с. 68]. Благодаря перемещению языкового значения в сферу сознания и включению его в ряд других ментальных моделей (*фреймов, сценариев/скриптов* и структур (*представлений, понятий, концептов, прототипов*) вопрос о соотношении между ними приобретает особую актуальность.

Основная проблема, на наш взгляд, заключается в следующем: человек, поставленный когнитивной лингвистикой в центр внимания в качестве «системы переработки информации», очень мало осознается как языковая личность. В какой-то мере это можно объяснить поворотом от *ментальных репрезентаций* – предикатно-аргументных моделей порождения и понимания высказываний (В. Кинч) – к структурам *более высокого* (по П.Н. Джонсону-Лэйрду) уровня, стоящим за конкретными пропозициями и определяющим их продуцирование и интерпретацию. Таким образом, исследовательский фокус с человека *говорящего* переместился на человека *мыслящего*. Однако и в этом случае абстракция не может быть абсолютной, поскольку любой человек в любом своем проявлении сохраняет статус носителя языка.

Стремление определить значение через категории *прототипа* (Л. Янда), *фрейма* (Ч. Филлмор) или *концепта* (Д. Герартс) мало что дает для теории семантики. Начать с того, что попытки объяснения лексического значения через мыслительные категории *понятия* или *представления* уже имели место в традиционной семасиологии и, как известно, успехом не увенчались. Ср., например: «Значение не тождественно понятию, хотя оба они обладают функцией отражения и обобщения. Содержание понятия образуют общие и отличительные признаки предмета, существенные для его понимания. <...> Лексическое значение также складывается из общих и отличительных семантических признаков. Однако эти признаки в ряде случаев не являются существенными для понимания предмета. <...> Лексическое значение не столько выражает понятие, сколько обозначает его и указывает на него. Знание лексических значений слов не есть еще знание понятий о предметах действительности. Мир человек познает при помощи понятий, хотя и слова вводят его в мир вещей и понятий – правильных и неправильных. Обобщающая функция названия состоит в обозначении понятий и представлений; обобщающая функция понятий состоит в отображении существенных свойств предметов и включении их в систему научных знаний [7, с. 189]; или: «...ответить на вопрос о том, какая именно форма мысли представлена в значении слова, довольно трудно <...> можно говорить о большей или меньшей близости значения слова к той или иной форме познания, не исключая и возможность того, что значение слова может быть гибридной, промежуточной или новой, неизвестной нам формой мысли. <...> Лежащее в основе значения слова генерализованное представление достаточно

далеко от конкретного зеркального образа предмета, но сохраняет связь с ним, может вызывать в сознании (при соответствующих условиях) яркий образ и в то же время приближаться к понятию благодаря элементу обобщенности, трансформироваться в него. Значение слова имеет чувственно-рациональную природу, оно родственно и понятию, и представлению [8, с. 11–13]. Таким образом, в когнитивной семантике новизной отличается только терминология, но не сам подход.

Второе обращающее на себя внимание обстоятельство заключается в следующем: все отмечаемые когнитивные категории признаются обладающими своей внутренней структурой, которая выстраивается и описывается по принципу центр-периферия. Ср., например: «Концепт может получить полевое описание – в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта» [6, с. 60]. Не случайно Ч. Филлмор, адаптировавший категорию *фрейма* (по М. Минскому) к лингвистике, отмечает необходимость выделения в стоящем за словом мыслительном представлении (сцене) наиболее важных, «вершинных», аспектов, которые определяют специфику данного значения и отличают его от значений других лексических единиц. При этом возникает естественный и закономерный вопрос: в чем же заключается принципиальное отличие *концепта* или *фрейма* (или *прототипа*) от самого лексического значения?

Как отмечает, например, Е.В. Рахилина, ядра когнитивных категорий различаются настолько, «что эти различия можно описывать структурными методами, вплоть до дифференциальных и селективных признаков. В то время как у каждого ядра-прототипа есть периферия, «и тут никакой «старый» (структурный) аппарат не работает, потому что чем дальше от ядра, тем сложнее и на первый взгляд запутанней набор признаков» [9, с. 310]. В этой связи возникает, по крайней мере, два возражения. Во-первых, интегральный подход к структуре значения (М.В. Никитин, И.Р. Гальперин, И.А. Стернин и др.), пришедший на смену дифференциальному (Дж. Катц, Дж. Фодор и др.), также поставил во главу угла «беспредельность» содержания слова, которая не позволяет исчерпывающе исчислить образующие его семантические компоненты (А.А. Потемня, А.Ф. Лосев, Дж. Лайонз, С. Ульманн и др.). Сторонники аспектного подхода к структуре значения (Н.Г. Комлев, В.Д. Девкин и др.), помимо денотативного и коннотативного, включают в нее и такие компоненты, как культурно-исторический, социальный, лингвострановедческий, идеологический, этический, эстетический и т. д. Однако ни тот, ни другой подход никоим образом не приводит к разрушению лингвистической категории значения.

Во-вторых, *легко различаемые* ядра категорий с позиций когнитивной психологии представляют собой, скорее, некие интуиции носителя языка, способного дифференцировать признаки и свойства *разного веса* (Э. Рош). Поэтому положение о *сильном стабильном центре* (Э. Рош, Е.В. Рахилина и др.) остается в большей степени декларацией, нежели доказанным фактом. Попытки уточнения количества и качества признаков, составляющих ядро когнитивных категорий, имеет своим следствием включение в него *характерных черт объекта, общих для класса объектов* (З.А. Харитончик), что, по сути дела, возвращает

нас к *понятию* в психологии и к *денотативному значению* (макрокомпоненту) в лингвистике.

Помимо всего прочего, сведение языкового значения к стоящим за ним ментальным категориям никоим образом не решает проблему статуса и роли в познавательной деятельности грамматических значений. Хотя когнитивная семантика исходит из предположения о том, что природа значения и порождающие источники едины для всех языковых единиц, а следовательно, грамматика тоже *символична* (Р. Лангакер), грамматические значения, как отмечает А.А. Леонтьев, до сих пор не были предметом специального рассмотрения, хотя их изучение в психолингвистическом аспекте «не может не оказать воздействия и на понятийную систему и основные положения «чистой» лингвистики» [10, с. 277].

Сравнительно-типологический анализ разнообразных когнитивных структур и моделей (см., например, работы Б.М. Величковского, Т. ван Дейка, П.Н. Джонсона-Лэйрда, Н.И. Жинкина, О.Л. Каменской, М. Минского, А. Моля, Р.И. Павилениса, В.Н. Пушкина, Р. Шенка и др.) позволяет сделать вывод о том, что единственной адекватной перспективой изучения когнитивной деятельности человека является признание языкового значения *базовой* концептуальной структурой, а следовательно, и того факта, что механизм естественного формирования ментальных моделей обусловлен непосредственным оперированием языковыми значениями, но не наоборот.

Весьма показательна в этом плане «идеальная когнитивная модель» Дж. Лакоффа – аналог гештальта, – которая определяется как оперативная структура мышления, обеспечивающая категоризацию, и по своему содержанию и функции ничем не отличается от трактовки значения в статусе когнитивной структуры, *реализующей определенный способ познания действительности, дискретированной определенным звуковым образом, символизирующим значение* [1, с. 30]. Специфика способа познания определяется авторами (вслед за В. фон Гумбольдтом и А.А. Потебней) актуальностью определенного когнитивного признака как его структурообразующего компонента.

Типологическое сходство описаний ментальных структур и моделей у разных исследователей наводит на мысль о том, что с когнитивной психологией произошло то же, что и с традиционной логикой, которая, пытаясь установить общие закономерности мышления, на самом деле классифицировала формы речемыслительной деятельности (Э. Бенвенист, В.В. Петров). Психология же, изучая концептуальные категории, в действительности занимается анализом языковых значений, которые лежат в их основе. Как результат – в лингвистике значение оказалось «продублировано» другими терминами. Искусственность сложившейся ситуации не может не обращать на себя внимания: «Определенные трудности вызывает и использование понятия фрейма применительно к слову. Известное положение Ч. Филлмора... о том, что «значения соотнесены со сценами», вполне применимо к глаголам и событийным существительным, однако нуждается в серьезном уточнении, если речь идет об обозначениях конкретных предметов. В этой связи возникает вопрос о том, что соответствует слову на уровне ситуации, и, естественно, ответить на него невозможно, если приравнивать знание о стереотипной ситуации и разнообразные по характеру блоки знаний об объективной действительности, соответствующие словам.

Кроме того, следует учитывать, что слово несет информацию не только об обозначаемом, но и о связи этого обозначаемого с другими объектами и явлениями материального мира, а также информацию о соотношении данного обозначения с другими обозначениями, функционирующими в языке. <...> Соответственно, со словом соотносятся два разных вида фреймов: фреймы – аналоги ситуационных фреймов М. Минского и классификационные фреймы» [11, с. 89].

Между тем самое непосредственное участие языка в процессе концептуализации и моделирования действительности и сознания человека обуславливается тем его уникальным – на фоне других семиотических систем – свойством, которое Э. Бенвенист именует *означиванием*. *Означивание* как предикация языковых значений объектам внешнего мира обеспечивает *языковление* (по И.А. Бодуэну де Куртенэ), *интерпретацию* (по А.Ф. Лосеву), *схематизацию* (по Л. Талми) действительности.

Язык – это первая в истории человечества моделирующая система, обеспечившая в филогенезе возможность зафиксировать наиболее экономным способом интерпретацию окружающего мира в значениях знаков и таким образом – его узнавание и понимание.

Доказательства правомерности такой трактовки языка, помимо лингвистической традиции, можно найти и в недрах когнитивной психологии. Так, например, моделирующие возможности языка полностью отвечают требованиям, предъявляемым к «категориальным структурам» (Э. Рош): «принципу когнитивной экономии» и «принципу воспринимаемой структуры мира». Согласно первому принципу, задачей категориальных систем является обеспечение максимума информации ценой минимальных когнитивных затрат. Второй принцип основывается на том положении, что окружающий мир не может рассматриваться как бесструктурная совокупность материальных объектов, а следовательно, категориальная система должна наиболее точно отображать структуру воспринимаемого мира (В.И. Герасимов). Приведем также наиболее значимые положения теории ментальных моделей П.Н. Джонсона-Лэйрда, основанной на идеях Л. Витгенштейна, К. Крейка и Д. Марра. «Наша концепция того, что существует, зависит от мира и человеческого концептуального аппарата. <...> Наша базовая онтология в соответствии с этим критерием содержит вещи и субстанции, их свойства и отношения между ними. <...> Мы организуем наш опыт в терминах временных и пространственных локаций... и в связи с причинами и намерениями» [12, с. 142–145]. Но структура того, что *существует*, тесно связана с тем, что мы можем знать о действительности, а знать мы можем только то, что нашло свое выражение в языке (В. фон Гумбольдт, Э. Бенвенист, Т. ван Дейк, А.А. Брудный и др.).

В этой связи представляется принципиальным последовательное разграничение между интерпретацией, заключенной *в самом языке* (результат первичной предикации), и интерпретацией, осуществляемой *средствами языка* в коммуникации, т. е. в процессе передачи, распространения и сохранения результатов когнитивной деятельности человечества (вторичная предикация).

Уникальная кумулятивная функция языка-*интерпретанта* не только мотивирует, но и обеспечивает универсальность коммуникативной функции языка-*интерпретатора* в статусе такой моделирующей структуры, у которой дру-

гие структуры заимствуют основные свойства устройства и функционирования. Вряд ли может вызвать сомнения тот факт, что любые знаки могут быть полностью интерпретированы посредством знаков языка, но не наоборот, и эта «фундаментальная асимметрия» (термин Э. Бенвениста) предопределена уникальностью языка как знаковой системы.

Зафиксированные в языке знания о мире мало осознаются его носителями. В психологии есть понятие «иллюзии тождества», благодаря которой предмет внешнего мира отождествляется с его образом в сознании. Природа такого отождествления объясняется тем обстоятельством, что вследствие продолжительного употребления знак соединяется с представлением об обозначаемом в такую неразрывную пару, что приобретает способность всякий раз возбуждать в нашем уме *представление о вещи со всеми ее признаками* (Н.В. Крушевский, Г.В. Рамишвили). Иллюзия тождества неизбежно порождает иллюзию прямого взаимодействия человека с окружающим миром, не опосредованного языком. Обретшие в конце XX века популярность понятия «картина мира» (Г.В. Колшанский), «образ мира» (Г.Д. Гачев), «концептосфера» (Д.С. Лихачев), «модель мира» (Д. Гриндер, Р. Бэндлер), «реконструкция мира» (Т. ван Дейк), «репрезентация мира» (П.Н. Джонсон-Лэйрд) и под., не имея единого содержания, обусловили терминологическую путаницу в определении языка и сознания.

Не случайно А.А. Леонтьев, например, предлагает развести термины *языковая картина мира* и *образ мира*, поскольку первый («языковая картина мира») обозначает «мир в зеркале языка», а второй («образ мира») понимается как отображение в психике человека окружающей действительности, опосредованное значениями [10].

Принимая целиком и полностью установленную сущность языковой картины мира как *мира в зеркале языка*, полагаем, что термин «языковая модель мира» в большей степени отвечает этой сущности, поскольку, *преобразуя мир в идеи* (*Verwandlung der Welt in Gedanken* у В. Гумбольдта), язык не отражает уже известное представление о мире, а самым непосредственным образом его *формирует*.

Одна из важнейших задач современной когнитивной лингвистики формулируется как поиск *лингвоментальных универсалий* (В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич), *когнитивных универсалий* (Е.В. Рахилина). Как известно, задача описания особенностей концептуализации действительности, свойственной каждому данному языку, была поставлена еще В. фон Гумбольдтом: «Так как... каждый человек имеет в себе ключ к пониманию всех языков, то значит, что форма всех языков в сущности одинаковая и во всех должна достигать общей цели языка» [13, с. 279]. Основанием языка как целого по отношению к составляющим В. Гумбольдт считал его *внутреннюю форму* (*innere Sprachform*).

Признание того факта, что язык как знаковая система представляет собой модель мира, позволяет описать язык-*интерпретант* как внутреннюю форму языка-*интерпретатора*, объединяющую все многообразие эмпирических данных и определяющую, по выражению Ф. де Соссюра, «язык взятый вообще».

Процесс познания недискретной внеязыковой действительности, по определению А.Ф. Лосева, *глобальной, вечно текущей и в деталях неразличимой*, осуществлялся в филогенезе как ее языковое упорядочивание: *расчленение*,

структурирование и систематизация. В результате мы имеем дело с единым, состоящим из дифференцированных друг от друга, взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, миром *существующего*.

Такую модель действительности мы предлагаем именовать когнитивно-логической моделью – вненациональной (феноменологической) моделью естественного *мироустройства*, обеспечивающей миропонимание.

Наряду с логической, язык несет в себе аксиологическую интерпретацию мира. Опыт, который мы квалифицируем как когнитивно-аксиологический, представляет собой неизбежное следствие и условие взаимодействия человека с миром, а потому играет роль, ничуть не уступающую по значимости роли когнитивно-логического опыта, поскольку существенным образом влияет на моделирование поведения личности как члена данного социума.

Когнитивно-аксиологическая модель действительности – национальная модель *миропорядка* – представляет собой результат осознания значимости составляющих мира и их отношений в культурно-историческом опыте данного языкового коллектива и составляет основу социализированных мироощущения, мировосприятия, мировоззрения носителей данного языка. Языковые логика и аксиология, обеспечивающие возможности моделирования действительности в коммуникативной деятельности, определяют статус языка как «системы ориентиров, необходимых для деятельности» [10, с. 272].

Таким образом, язык – это знак внеязыкового мира в сознании носителей языка со своим означаемым – лексической и грамматической семантикой как логико-аксиологическим представлением о мире – и своим означающим – системой языковых знаков, обслуживающей развитие, сохранение и реализацию этого представления. Как знак, несущий в себе *интерпретацию* действительности, язык обязан своим происхождением потребностям взаимодействия человека с окружающим миром, а своим формированием – процессу коммуникации.

Тот факт, что основой интерпретации того или иного объекта действительности является его дифференциальный признак, вряд ли может вызвать сомнения (см., например, работы А.А. Потебни, Н.В. Крушевского, Л.С. Выготского и др.), хотя мотивы выбора продолжают оставаться дискуссионными.

Так или иначе, выбор основания для обозначения вряд ли являлся случайным, уже хотя бы по той причине, что служил потребности ориентации в мире, а следовательно, носил вполне прагматический характер, и наиболее *выдающимися* и *преобладающими* (по А.А. Потебне) признаками, по всей вероятности, оказывались те структурные и функциональные свойства реальности, которые по убеждению субъекта являлись существенными для его целей. В процессе исторического развития объем семантической структуры значения расширялся за счет новых признаков, сохраняя при этом свою внутреннюю форму как этимологическое значение, в то время как знак становился носителем более актуального значения (А.А. Потебня).

Таким образом, значение знака формируется, сохраняется и развивается в культурно-коммуникативной системе данного социума, закрепляется в коллективной и индивидуальной памяти носителей языка в процессе коммуникации и представляет собой в каждый период развития языка конденсат когнитивного опыта определенного языкового коллектива (национальный опыт) и всего че-

ловечества (внеациональный опыт), известный носителям языка из практики функционирования данного знака. В этой связи уместно вспомнить Н. Хомского, который указывал на значение интуиции говорящего на родном языке. Та же мысль повторяется и Дж. Лайонзом, который считает значение первичным и вполне интуитивным элементом знака, изначально сопоставленным с интуитивной же дистрибуцией – смысловым окружением.

Аккумулируя когнитивный опыт нации и всего человечества, знак хранит в себе информацию, объем которой даже трудно себе представить, поскольку он вбирает в себя весь предшествующий и современный опыт той сферы деятельности (по крайней мере), в которой знак функционирует. Это значение можно назвать *системным* значением знака, поскольку оно представляет собой минимальную семантическую структуру системы *существующего*, образованную двумя макрокомпонентами: когнитивно-логическим, определяющим «паспортные данные» обозначенного в системе *существующего* и обеспечивающим возможности идентификации элементов *происходящего*, и когнитивно-аксиологическим, определяющим его значимость в культурно-историческом контексте, а следовательно, предоставляющим возможности квалификации *происходящего*. Системное значение обеспечивает функционирование знака в речемыслительной и коммуникативной деятельности, а потому, как *режиссер умирает в актере*, так и системное значение знака *умирает*, растворяется в своих ситуативных значениях. В индивидуальной памяти носителя языка значение знака представляет собой некоторый квант соответствующих знаний, объем которого определяется спецификой когнитивно-социального опыта конкретной личности.

Как представляется, признание языкового значения базовой концептуальной структурой, определяющей наши ощущения и восприятие, формирующей представления, понятия, концепты и т. д., позволит преодолеть многие противоречия современной когнитивной лингвистики.

Summary

L.M. Salmína. The Cognitive Phenomenon of Language Semantics.

The paper deals with the problems of cognitive semantics, a branch of cognitive science, and focuses on the cognitive function of language meaning. Semantic phenomenon is explained as the basic element of human conscience, for natural language symbols present the concept of the world in their lexical and grammar meanings. Cognitive explanation of language semantics can open new opportunities for interpretation of modeling mechanism.

Литература

1. Пищальникова В.А., Лукашевич Е.В. Когнитивизм как новая методология семантических исследований // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2001. – С. 5–35.
2. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике // Вопр. языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.
3. Паришин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопр. языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.

5. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Изв. РАН. Сер. языка и литературы. – 1997. – Т. 56, № 1. – С. 11–21.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.
7. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 351 с.
8. Солганик Г.Я. Значение слова и представление // Семантика слова и синтаксической конструкции. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1987. – С. 6–15.
9. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып. 36. – С. 274–323.
10. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999. – 288 с.
11. Беляевская Е.Г. Когнитивные основы изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. – М., 1994. – С. 87–110.
12. Джонсон-Лэйрд П.Н. Ментальные модели // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2001. – С. 134–150.
13. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.

Поступила в редакцию
28.11.07

Салмина Лидия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.

E-mail: salmina-lid@rambler.ru